

УДК 81.119

**МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ И МЕТОНИМИЗАЦИИ
В РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ «ДОБРО»**

© 2019 г.

Т. Ван

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

931515224@qq.com

Поступила в редакцию 12.01.2019

Посредством метода традиционного лингвистического описания и метода концептуального анализа исследуются когнитивные модели концептуальной метафоризации и концептуальной метонимизации в русской фразеологии с компонентом «добро». Показано, что в русских фразеологических единицах концепт «добро» последовательно представлен в качестве: одушевленной сущности; вещества (субстанции); специфицированного предмета с конкретными функциями; реального правильного направления и пр. Делается вывод, что модели метафорического представления добра и метонимической подстановки связанных с добром концептов во многом обуславливают национальную и культурную специфику воплощенной в русской фразеологии «наивной этики» как значимого компонента русской языковой картины мира.

Ключевые слова: когнитивные модели, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концепт «добро», языковая картина мира, русская фразеология.

Цель исследования – выявление национальной и культурной специфики представления о добре в концептуально-метафорических и концептуально-метонимических моделях, воплощенных в русской языковой модели мира, и их объективации в русской фразеологии.

В качестве методов исследования использованы традиционное лингвистическое описание и концептуальный анализ.

В научной парадигме когнитивной лингвистики фокус лингвистических исследований переходит от изучения языковой структуры к анализу человеческой когниции, результаты которой воплощаются и закрепляются в национальных языках. При этом объектами лингвокогнитивных исследований являются когнитивные стратегии, концептуальные структуры, форматы знания, культурные конвенции, стоящие за моделями естественного языка. В научной литературе описаны такие когнитивные стратегии, как, например, имидж-схема, концептуализация и категоризация, интерактивный экспириенс [1], фрейм, ментальное пространство и т. д. [2, р. iv], реализующиеся в основном при помощи концептуально-метафорических и концептуально-метонимических моделей [2, р. 134]. Именно специфика концептуально-метафорических и концептуально-метонимических механизмов находится в центре нашего внимания в данной работе.

Со времен Аристотеля метафора изучается либо в лексико-семантическом плане как словесное обозначение, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид [3,

с. 135], либо в стилистическом плане, как риторический троп [4]. Новое понимание метафоры как формата знания о мире [5] и элемента понятийной системы человека [6] связано с возникновением когнитивного подхода к метафоре [7]. Это новое понимание метафоры прежде всего отражается в теории концептуальной метафоры [7, р. 190], в которой метафора понимается как элемент мышления человека, воплощающий базовые когнитивные процессы, которые связаны с получением новой информации о мире [8] и со способами представления этого нового знания в сознании [9]. Их суть заключается в осмыслении одного концепта в терминах другого концепта, более сложного явления – в терминах более простого, уже известного в опыте [10]. Тем самым концептуальная метафора как когнитивная стратегия познания окружающей среды и деятельности человека воплощает в себе базовые способы мышления, понимания действительности и поведения.

Перейдем от концептуальной метафоры к концептуальной метонимии. В научной парадигме когнитивистики метонимия также больше не рассматривается либо как стилистическое средство, либо как художественный прием в традиционной риторике [11]: как и метафора, концептуальная метонимия понимается как когнитивное средство, изучение которого играет немаловажную роль в общей семантике, в курс-анализе, в лингвопрагматике и даже в когнитивной грамматике [12]. Такое понимание метонимии характерно и для теории концептуальной метафоры, в которой метонимии, не яв-

ляясь случайными или произвольными, обладают референциальной и перцептивной функциями [7]. В отличие от метафоры когнитивный метонимический процесс определяется следующими факторами: 1) концепты А и Б ассоциируются в одной и той же модели или в одной матрице моделей; 2) любое соответствие между концептами А и Б представляет собой явление случайное; 3) между концептами А и Б вообще нет никакой интеграции [13]. Концептуальная метонимия выступает, таким образом, как один из механизмов общих метафорических стратегий, интерпретирующий отношения между концептами в одной и той же когнитивной модели. Совместно с концептуальной метафорой концептуальная метонимия как когнитивная стратегия познания окружающей среды и деятельности человека воплощает в себе базовые способы мышления, понимания действительности и поведения.

Мы в данной работе исходим из того, что в процессах концептуальной метафоризации и концептуальной метонимизации большую роль играют ключевые концепты национальной культуры как этнически обусловленные ментальные репрезентации. С одной стороны, познание и понимание сложных и абстрактных понятий в операционной среде языка происходит в терминах простых и конкретных представлений, что вполне соответствует когнитивным механизмам концептуальной метафоры. С другой стороны, познание и понимание неочевидных и скрытых концептов в операционной среде языка происходит в терминах наглядно воспринимаемых сущностей, которые представляют разные аспекты одного и того же явления (атрибуты, свойства, пространственно-временные характеристики и пр.) в одной и той же когнитивной модели, что вполне соответствует механизмам действия концептуальной метонимии. Иными словами, в языковой картине мира этноса, трактуемой как «наивная модель мира, в которой отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка» [14, с. 5], фиксируется «уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей» [15, с. 47]. Такая картина мира формируется посредством «системы ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей» [16; 17]. При этом обязательному овеществлению или одушевлению по моделям концептуальной метафоризации и концептуальной метонимизации подлежат любые абстрактные безобразные концепты, в том числе этические концепты.

Именно в языке воплощаются базовые свойства этноса, в том числе особенности его мен-

тальности [18]. В ряду разных уровней языка и участков языковой системы особое место занимает фразеология как носитель культурных смыслов нации, так сказать, в концентрированном виде: фразеологизмы отражают особенности национальной культуры, мировоззрение этноса, его этические и эстетические нормы, систему идеалов и ценностей [19]. Таким образом, посредством анализа русских фразеологизмов через призму концептуальной метафоризации и концептуальной метонимизации мы можем выявить базовые когнитивные модели представления в языковой картине мира этноса тех или иных абстрактных понятий нравственного характера, в том числе понятия о добре.

Первая когнитивная модель, попавшая в сферу нашего исследовательского внимания, — это концептуально-метафорическая модель овеществления абстракции (реификации) концепта «добро», т. е. модель представления добра как реальной конкретной сущности (предмета, вещи, объекта), которая реализована в русских фразеологизмах с компонентом «добро». Очевидно, что концепты типа «добро», являясь абстрактными этическими концептами, сами по себе не могут быть восприняты сенсомоторными органами человека, потому что не относятся к той категории концептов, в основе формирования которых лежит непосредственно эмпирический опыт телесного взаимодействия со средой в процессе интеракции между окружающей средой и человеком. Выше уже было сказано, что в языковой картине мира этноса любой абстрактный концепт познается и запечатлевается в концептуальной системе этноса в терминах конкретного концепта: в связи с этим когнитивная модель представления добра как реальной конкретной сущности (предмета, вещи, объекта) выявляет, что люди проецируют полученное из опыта знание о реальных вещах и предметах на абстрактный концепт «добро», чтобы легче представить себе суть этого понятия.

Мы знаем, что в реальной действительности люди могут выполнять разные конкретные действия с объектами. Согласно вышеуказанной когнитивной модели концептуальной метафоры, содержательные особенности концепта «реальные сущности» применяются к этическому концепту «добро», т. е. посредством этой модели концептуальной метафоризации, отраженной в фразеологизмах *искать добра, (не) доводить до добра, дать добро, добром (не) кончится* и др., концепт «добро» входит в языковую картину мира этноса как конкретно-чувственное представление. При этом на основе данной когнитивной модели носители языка могут не только понимать категорию добра, воплощен-

ную в фразеологизмах *дать добро, до добра не доводит, добром не кончится, от добра добра не ищут, древо познания добра и зла*, но руководствоваться этим пониманием в своей повседневной жизни, в практическом поведении.

Вторая когнитивная модель, проявляющаяся в исследовании этического понятия «добро», – это субмодель первой когнитивной модели, т. е. модель представления добра как реального предмета со специфическими функциями, характеристиками, атрибутами. Первая когнитивная модель показывает, что конструкция концепта «добро», рассматриваемого как реальная сущность (субстанция), совершенствуется в основном со всеобщей точки зрения, в связи с чем эта реальная сущность может рассматриваться не как концепт базового уровня, а как концепт вышестоящего уровня, обладающий слишком многими когнитивными признаками, в частности, и конкретными, и абстрактными. В отличие от первой когнитивной модели, вторая когнитивная модель конкретизирует денотат, обозначенный языковой единицей «добро».

Вторая когнитивная модель представления добра как денег, прототипические эффекты которой составляет такие атрибуты, как *золото, серебро, бумажная валюта* и т. д., указывает на тот факт, что в процессе понимания некоторых характеристик концепта «добро» люди часто используют атрибуты концепта «деньги». Другими словами, концепту «деньги» приписана способность приносить людям материальное довольство и духовное удовлетворение, воплощенное в основном в форме разных ценных вещей, статуса и власти. Поэтому почти у всех членов общества имеется сильное желание искать, экономить, копить и использовать деньги. К тому же в древнерусском языке слово «добро» означало физическое здоровье, пышность, крепкость человека. Отсюда в современном русском языке имеются такие лексемы, как *сдоба* (пышный хлеб), *дебелый* (очень толстый, рыхлый человек), *удобрения* (для почвы). Так и в русских народных сказках устойчивая формула «добрый молодец» употребляется в смысле 'статный, сильный, крепкий, здоровый', а не в нравственном смысле. Еще в русских говорах и в древнерусском языке было значение 'имущество', которое сохранилось в современной разговорной речи в выражениях типа *он накопил много добра, добра не нажил, у него много всякого добра*. Таким образом, в русской фразеологии существуют следующие фразеологизмы с компонентом «добро», в которых отображаются присущие концепту «деньги» признаки, проецированные на концепт «добро» посредством концептуально-метафорической модели «добро

есть деньги»: *до добра не доводит* и *добром не кончится*. Если действие субъекта не нацеливается на деньги, то все оптимистические эффекты, связанные с прототипами концепта «деньги» как материальное довольство и духовное удовольствие, не будут возникать, наоборот, они сразу же исчезают, к тому же приведут к плохим результатам.

Нет сомнения, что деньги в нашей жизни не всегда приносят положительный результат: часто именно из-за денег люди совершают такие преступления, как разбой, кража, убийство. Тем более не все люди активно стремятся к деньгам. В традиционной русской культуре имеется устойчивое представление о том, что если денег уже хватает на жизнь, то просто получение денег ради денег не имеет смысла. Естественно, такое понимание концепта «деньги» тоже применяется к переосмыслению концепта «добро» в русских фразеологизмах с компонентом «добро», например, *от добра добра не ищут*.

Третья когнитивная модель, исследуемая в данной работе, – это концептуально-метафорическая модель одушевления концепта «добро», т. е. модель представления добра как живого существа, даже как существа человеческого, которая реализована в русских фразеологизмах с компонентом «добро». Добру в этом случае могут быть приписаны, свойства, атрибуты и функции, в норме присущие живому, целенаправленно действующему существу, чаще всего – человеку. Так, например, человеку как существу социальному присущи многие характеристики, например, такая, как возможность защищать свои права, отстаивать свою позицию. Прототипическая ситуация отстаивания своих прав может осмысляться в понятиях борьбы, драки, поэтому и фразеологизм *добро должно быть с кулаками* отражает модель подобного представления – добро, как человек, защищает кулаками свои права от зла. Также из опыта этнического восприятия действительности известно, что человек может иметь ряд негативных свойств, связанных с болезнями, с отсутствием физического здоровья, например со слепотой. Прилагательные, обозначающие подобные свойства человека, также могут быть приписаны в фразеологизмах абстрактному концепту «добро». Это мы видим, например, в фразеологизме *слепая доброта*, который метафорически, через идею отсутствия зрения, т. е. возможности видеть, выражает значение «бездумное доброе отношение к кому-либо или к чему-либо, способное привести к негативным результатам» – как отсутствие возможности видеть в ментальном плане, т. е. думать, правильно понимать ситуацию.

Четвертая когнитивная модель – это концептуально-метафорическая модель концепта «добро» в рамках концепта «путь», у которого имеется такой структурообразующий компонент, как «направление»: так, возможна модель представления добра как правильного направления, по которому все люди должны двигаться, от которого все люди не должны отходить. Этот когнитивный признак, принадлежащий концепту «путь», успешно переносится на концепт «добро» через концептуально-метафорическую модель «добро есть правильное направление», реализованную в русских фразеологизмах с компонентом «добро»: *доброт не кончится* и *от добра добра не ищут*. Оба фразеологизма в русской языковой картине мира конструируют такое событие, в рамках которого концепт «добро» рассматривается как правильное направление, ведущее к правильной цели. *Доброт не кончится* обозначает, что движение субъекта производится по неправильному направлению, которое не ведет к необходимому положительному результату. Несомненно, что на основе повседневного опыта человека во взаимодействии с естественной природой и социальной средой способность стремиться к лучшему по правильному направлению, присущая природе человека, подсознательно проникла в переосмысление абстрактных концептов, в том числе и этического понятия «добро».

Выше уже было доказано, что когнитивные модели представления добра как определенной субстанции, как конкретного предмета (вещи) со специфическими функциями, характеристиками и атрибутами, как активной, целенаправленно действующей одушевленной сущности и как правильного пути воплощаются в основном в русской фразеологии с компонентом «добро» как существительным. Что касается фразеологизмов с компонентом «добро» как прилагательным, то для них характерны уже когнитивные модели концептуальной метонимизации.

В прототипической когнитивной модели концепта «человек» содержатся положительные и отрицательные признаки, являющиеся аксиологически маркированными ментальными единицами, а также дескриптивные признаки (параметрические, гендерные, возрастные и пр.), которые находятся вне поля оценочности.

Первая когнитивная модель, рассматриваемая в данной работе, – это концептуально-метонимическая модель атрибуции концепта «человек» посредством перифрастического описания по схеме «прилагательное + существительное», где прилагательным выступает *добрый*, а существительным – часть человека или его стандартная субституция (характеризующая номинация – типа *малый*, *гений* и пр.).

Таким образом, в качестве субконцепта для концепта «человек» выступает представление «добрый человек», которое реализовано в позитивно-оценочных фразеологизмах: *доброе сердце*, *добрый малый*, *добрый гений*.

Вторая когнитивная модель – это концептуально-метонимическая модель атрибуции внешней среды (пространственных и временных характеристик) посредством привнесения в данную концептуальную схему этической характеристики. То есть в русской языковой картине мира не только человек, но и пространство и время могут быть добрыми, т. е. благополучными, удачными, успешными с позиции человека. Так, например, определенный временной период для человека может быть расценен как *добрый*, если в это время человек добился каких-либо достижений, успехов. Таким образом, в когнитивной модели ситуации успеха элементы, обозначающие время (*начало*, *час*), эксплицитно репрезентируют положительный итог для этой ситуации с учетом интерактивных характеристик, воплощенных в прилагательных с корнем *добр(о)*. Это отражено в фразеологизмах типа *в добрый час*, *доброе начало*.

В заключение отметим, что в ходе описания моделей концептуальной метафоризации и метонимизации в русских фразеологизмах с компонентом «добро» мы получаем возможность говорить о национальной специфике некоторых представлений о добре. Это прежде всего метафорические модели овеществленного представления добра как реального предмета, вещи, вещества, в том числе специфицированного предмета с конкретными функциями, и одушевленного представления добра как человеческого существа, пространственно ориентированного представления добра как правильного направления. В метонимических моделях «добро» представлено в виде качественного атрибута *добрый*, который распространяется на характеристику как внутреннего мира человека, так и внешней среды его обитания (пространства, времени и пр.).

Таким образом, в фразеологизмах с компонентом «добро» как существительным и прилагательным отражаются не только приметы национальной духовной и материальной культуры, реалии среды обитания этноса [15, с. 1], но и прежде всего определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, способы видения абстрактных понятий через конкретно-чувственный опыт их переосмысления, методы понимания неявных, скрытых понятий через конкретно-воспринимаемые признаки.

Список литературы

1. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учеб. пособие. М., 2018. С. 28.

2. Wang Yin (王寅). What is Cognitive Linguistics (什么是认知语言学). Шанхай, 2011. P. iv, 134.
3. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135–146.
4. Ungerer F., Schmid H.J. An Introduction to Cognitive Linguistics. Peking, 2001. P. 153.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007. С. 7–8.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 346.
7. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 2003. P. 30–31, 190.
8. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 55.
9. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курсы лекций. М., 2011. С. 34.
10. Kovecses Z. Metaphor: a Practical Introduction. Oxford, 2010. P. 7.
11. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototype in Linguistic Theory. Oxford, 1995. P. 122.
12. Klaus-Uwe Panther, Linda L. Thornburg. Metonymy / Ed. Geeraerts D., Cuycckens H. The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford, 2007. P. 236.
13. Croft W., Cruse D. Cognitive Linguistics. Cambridge, 2004. P. 216.
14. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. № 28. С. 5–33.
15. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001. С. 1, 47.
16. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
17. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учеб. пособие. М., 2016. С. 174.
18. Evans V., Green M. Cognitive Linguistic: an Introduction. Edinburgh, 2006. P. 6.
19. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедческое в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990. С. 68.

MODELS OF CONCEPTUAL METAPHORIZATION AND METONYMIZATION IN RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT «ДОБРО»

Wang Tianjiao

This paper analyzes cognitive models of conceptual metaphorization and metonymization in Russian phraseology with the component «добро» (*something good*) by means of the method of traditional linguistic description and the method of conceptual analysis. It is shown that in Russian phraseological units the concept of «добро» is consistently presented as an animate entity, as a substance (thing), as a specialized object with concrete functions, as a real right direction, etc. The author concludes that the models of metaphorical representation of *good* and metonymic substitution of the concepts associated with *good* determine to a great extent the national and cultural specific features of «naive ethics» as a significant component of the Russian language picture of the world embodied in the Russian phraseology.

Keywords: cognitive models, conceptual metaphor, conceptual metonymy, concept of «добро», language picture of the world, phraseology.

References

1. Radbil' T.B. Kognitivistika: Ucheb. posobie. M., 2018. S. 28.
2. Wang Yin (王寅). What is Cognitive Linguistics (什么是认知语言学). SHanhaj, 2011. P. iv, 134.
3. Petrov V.V. Metafora: ot semanticheskikh predstavlenij k kognitivnomu analizu // Voprosy yazykoznanija. 1990. № 3. S. 135–146.
4. Ungerer F., Schmid H.J. An Introduction to Cognitive Linguistics. Peking, 2001. P. 153.
5. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika. M., 2007. S. 7–8.
6. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M., 1999. S. 346.
7. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 2003. P. 30–31, 190.
8. Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrac Yu.G., Luzina L.G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. M., 1996. S. 55.
9. Skrebcova T.G. Kognitivnaya lingvistika: Kursy lekcij. M., 2011. S. 34.
10. Kovecses Z. Metaphor: a Practical Introduction. Oxford, 2010. P. 7.
11. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototype in Linguistic Theory. Oxford, 1995. P. 122.
12. Klaus-Uwe Panther, Linda L. Thornburg. Metonymy / Ed. Geeraerts D., Cuycckens H. The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford, 2007. P. 236.
13. Croft W., Cruse D. Cognitive Linguistics. Cambridge, 2004. P. 216.
14. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семiotika i informatika. 1986. № 28. S. 5–33.
15. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya. M., 2001. S. 1, 47.
16. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira: Sb. st. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2005. 540 s.
17. Radbil' T.B. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta: Ucheb. posobie. M., 2016. S. 174.
18. Evans V., Green M. Cognitive Linguistic: an Introduction. Edinburgh, 2006. P. 6.
19. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Yazyk i kul'tura: lingvostranovedcheskoe v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. M., 1990. S. 68.